

Юрию Николаевичу КАРАУЛОВУ – 75 ЛЕТ!

Дорогой Юрий Николаевич!

Сердечно поздравляем Вас со знаменательной датой!

Искренне желаем Вам крепкого здоровья, благополучия и новых свершений в науке.

Ваш талант, личное обаяние и трудолюбие не перестают восхищать нас. Всегда рады встречам с Вами и Вашими блистательными научными работами!

*Ваши коллеги
филологического факультета
и кафедры общего и русского языкознания
Российского университета дружбы народов*

**К ЮБИЛЕЮ ПРОФ. Ю.Н. КАРАУЛОВА:
ФРАГМЕНТ ИЗ КНИГИ «ЛИНГВОКУЛЬТУРНОЕ СОЗНАНИЕ
РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ»**

К своему 75-летию Юрий Николаевич Караулов сделал себе и нам прекрасный подарок – новую монографию «Лингвокультурное сознание русской языковой личности» (соавтор Юрий Николаевич Филиппович), издательский центр «Азбуковник», Москва, 2009 [1].

Эта работа – логическое продолжение многолетних научных исследований Юрия Николаевича в области когнитивистики, когнитивной лингвистики и новая, поражающая своей смелостью, попытка построения динамической модели языковой способности. Этот лингвистический объект с заданными свойствами назван авторами монографии звучным и таинственным словом – *когнайзер*.

Предлагаем нашим читателям познакомиться с некоторыми фрагментами этой интересной и современной работы.

«Ключевой термин этой книги – *когнайзер* – призван передать две идеи: во-первых, он подчеркивает лингвокогнитивную сущность исследования, его ориентированность на сферу знаний – знаний о мире, зафиксированных в языке; во-вторых, как можно заключить уже из энергичного звукового облика этого слова, когнайзер представляет собой объект динамического характера, функционирование которого сопровождается постоянным приращением смыслов, ростом количества входящих в него специфических единиц *знания*, т.е. процессами *осознавания* и *познавания*, формирующими, в свою очередь, языковое *сознание* носителя языка-культуры – русской языковой личности.

Когнайзер предстает как объект двусторонней природы. Онтологически он принадлежит языковой личности и является важным инструментом формирования и развития ее картины мира. Методически же он создавался как механизм, как действующее экспериментальное устройство, которое на основе специальных информационных технологий способно анализировать работу языкового сознания, моделировать процессы в триаде «знание – познание – сознание».

Таким образом, когнайзер выступает одновременно и как исследовательский объект, и как инструмент, как метод исследования, воплощая неизбежную в современной науке ситуацию *technoscience* – симбиоза науки с технологией.

Если спросить теперь нас, авторов, к какой сфере лингвистики отнесли бы мы нашу работу, ответить на этот вопрос однозначно мы бы затруднились. Погруженность в проблемы знания как будто дает основания претендовать на сферу «когнитивная лингвистика». Однако применение новых информационных технологий, без которых невозможно было не только обрабо-

тать такой объем данных, но, главное, невозможно было обосновать те конструкторские решения, которые были положены в основу структуры и принципов функционирования когнайзера, вроде бы заставляя обратиться к сфере «компьютерная лингвистика». В итоге такая неопределенность провоцирует ответить вопросом на вопрос: а какая лингвистика является сегодня не-когнитивной? И какая лингвистика сегодня является не-компьютерной? Авторы смеют надеяться, что когнайзер как новый лингвокогнитивный и трансдисциплинарный объект дает выходы на проблематику языковой личности, языковой способности, языкового сознания и языковой картины мира.

В поисках ответа на вопрос, что следует считать элементарной единицей знания и где следует искать такую единицу, мы решили встать на путь лингвистического конструирования, отказавшись от традиционного обобщения существующих подходов, от сравнительного анализа концепций и точек зрения, от оценок в разной степени удачных и авторитетных высказываний, т.е. от всего того, «кто что сказал по поводу единицы знания». Метод лингвистического конструирования обязывает работать с фактами, а не только с суждениями, он предполагает создание нового исследовательского объекта, обладающего свойствами изучаемой реальности, а именно – языкового сознания. Так была сконструирована «фигура знания», которая вписывается в повседневно-обыденное употребление языка его усредненным носителем.

Экспериментальным материалом построения нового исследовательского объекта – лингвокультурного когнайзера русского языка – послужили две базы данных: уже известная научной общественности ассоциативно-вербальная сеть, построенная по результатам ассоциативного эксперимента [2] и отражающая активный режим работы когнайзера (стимульно-реактивный режим – от знака к смыслу); и новая база знаний (тоже сетевой природы объемом на настоящий момент более 7000), построенная из «фигур знания» в ходе когнитивного эксперимента, с использованием «метода кроссворда» и отражающая пассивный режим работы когнайзера – от заданного смысла к знаку.

...Фигура знания отражает структуру элементарной когнитивной единицы и представляет собой постоянно текущий динамический процесс взаимодействия пяти параметров и может быть изображена в виде правильного пятиугольника (рис. 1).

Знание, как явствует из изображенной на рисунке фигуры, не двухвалентно (знак + смысл) и даже не трехвалентно (знак + смысл + способ передачи смысла), а пятивалентно. В состав фигуры знания, помимо трех названных, с необходимостью включаются еще экстенциональные его параметры – когнитивная область (соответствующая предметной области в реальности) и функция, или ценность знания, измеряемая его отношением к целостной картине мира, для которой оно может быть либо релевантно (т.е. входить в состав картины мира), либо нерелевантно, если картина мира не теряет своей целостности без этого знания.

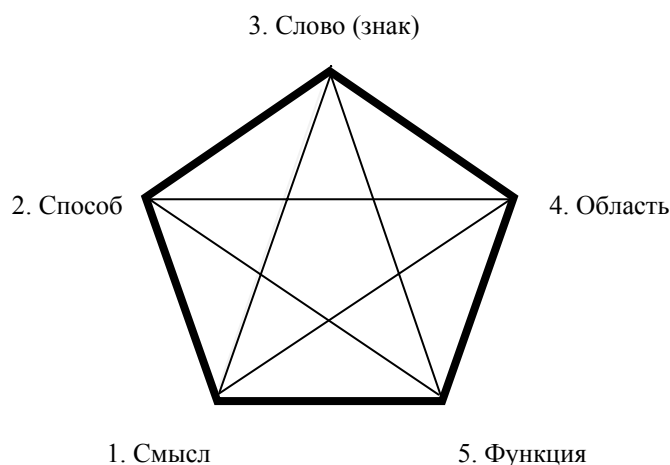

Рис. 1. Фигура знания

С точки зрения относительной ценности единиц знания принято различать два их типа – знание-рецепт и знание-ретушь [1]. Первое несет существенное, важное, основное, с точки зрения понимания текста и его воздействия, знание. Второе же, т.е. знание-ретушь, сообщает второстепенные, необязательные, фоновые сведения, которые при анализе текста, например по ключевым словам, могут свертываться, опускаться, не учитываться. Перенос различия двух типов знания на условия нашей задачи, мы будем ориентироваться при определении качества знания (рецепт vs ретушь) на интуитивные представления носителя языка о важности/неважности разного рода сведений для его повседневной жизни, главной целью которой, как известно, является собственное воспроизводство себя в материальном и духовном планах, в том числе сохранение и поддержание «образа себя» в социокультурном и психологическом отношении. Иными словами, квалифицируя элементарную единицу знания, устанавливая ее качество, носитель языка (= исследователь) исходит из прагматических установок и каждый раз отвечает на два вопроса:

- 1) *нужно* ли, полезно ли мне это знать и для какой цели;
- 2) *должен* ли я, пристало ли мне, имея в виду «образ себя», это знать?

...Таким образом, качество знания является своеобразным фильтром, последним критерием («последним» именно потому, что вступает в действие на фоне четырех предварительно установленных, уже известных – *знак, смысл, способ* и *референтная область*), на основе которого субъект (носитель языка, исследователь) выносит приговор данному элементу знания: включается ли данный элемент знания в его картину мира и в его видение себя в этой картине мира? Для знания, квалифицированного как рецепт, ответ будет положительным, для знания-ретуши – отрицательным. Вхождение/невхождение элемента знания в картину мира можно трактовать как его функцию в работе языкового сознания (когнайзера) носителя.

После сделанных разъяснений мы можем завершить цепочку параметров, характеризующих элементарную единицу знания, добавив к ее интенциональной части экстенциональные показатели – когнитивную (предметную) **Область** и **Функцию**. Для пассивного режима работы когнайзера цепочка выглядит таким образом:

1. смысл → 2. способ → 3. знак → 4. область → 5. функция,

где три первых параметра раскрывают интенционал единицы знания, а два последних указывают на ее экстенционал. В активном режиме третья позиция меняется местами с первой: исходным становится знак, а искомым – смысл, но соотношение и взаимодействие параметров элементарной единицы знания остается одним и тем же.

Цепочечное представление элемента знания хорошо подчеркивает процессуальную природу когнайзера: это не застывшая, жесткая конструкция, а процесс, постоянно текучее состояние, в котором активизируется то одна, то другая связь между узлами. Но недостаток цепочечного представления в том, что сам процесс в этом случае предстает в одном измерении, как раз навсегда однозначно направленный, тогда как на самом деле связи между узлами не только обратимы, но и могут быть дистантными в этой цепочке, т.е. Смысл может быть связан непосредственно с областью, а способ, например, с **Функцией**. Кроме того, каждый узел в структуре единицы знания каким-то образом связан со всеми остальными и зависит, хотя и в разной степени, от четырех других.

Рассмотрим пример взаимодействия всех пяти параметров элементарной единицы знания в пассивном и активном режимах.

Пассивный режим (от смысла – к слову):

1. **Смысл:** Что исследует геолог?
2. **Способ:** Фрейм с двумя известными слотами – «исследовать» и «геолог», и одним неизвестным. Неизвестное задано выбором из некоторого множества: *ископаемые, минерал, камни, газ, нефть, алмаз, запас, золото, гранит, кварц... недра* (замечание: приведенные слова даны в тех формах, в которых они входят в ассоциативные поля стимулов, являющихся слотами заданного фрейма ИССЛЕДОВАТЬ и ГЕОЛОГ).
3. **Слово (Знак):** НЕДРА.
4. **Область:** Геология.
5. **Функция:** Рецепт.

Квалификация в данном, пассивном режиме функции элементарной единицы знания «Геолог исследует недра» как знания-рецепта обосновывается интуитивной оценкой всеобщности этого знания для носителей языка.

Активный режим (от слова – к смыслу)

Здесь исходным параметром становится **Знак** (3) НЕДРА, который в ассоциативно-вербальной сети зафиксирован как реакция на стимул *подзем-*

ный (НЕДРА ← подземный); последний через словосочетание *подземная пещера* обнаруживает связь со стимулом *кристалл* (подземный ↔ подземная пещера ← кристалл), а тот, в свою очередь, вызывает реакцию *геология* (кристалл → геология), которая устанавливает прямую связь со словом *геолог* (геология ← геолог).

Таким образом, **Знак** (3) НЕДРА через непрерывную цепочку **Способ** (2) (НЕДРА ← подземный ↔ подземная пещера ← кристалл → геология ← геолог) приводит к вербальному выражению связи **Знака** (3) со **Смыслом** (1), которая символизируется совпадением одной позиции в цепочке со слотом в формуле смысла (геолог), и с предметной **Областью** (4), которая прямо названа в другой позиции в цепочке – Геология.

Что касается **Функции** (5), то ее квалификация в активном режиме как знания-рецепта опирается уже не на интуитивное решение носителя (исследователя), а поддерживается возможностью развертывания на материале ассоциативно-вербальной сети широкого потенциального поля знания вокруг ключевого **Слова (Знака)** *геолог*, – поля, включающего как прямые, так и обратные, как непосредственные, так и опосредованные связи. Такое поле и представляет собой в данном случае экстенционал элементарной единицы знания в обыденном сознании носителя языка: *геолог, недра, подземная пещера, подземный, ископаемый, природный, полезные ископаемые, геология, руда, золото, нефть, газ, минералы, алмазы, камни, горы, в горах, скалолаз, спелеолог, разведчик, исследователь, геологический институт, кристалл, копать, с лопатой, кирка, геологический молоток, геологическая партия, разведывать, начальник партии, специалист, профессия...»*

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Караулов Ю.Н., Филиппович Ю.Н.* Лингвокультурное сознание русской языковой личности. – М., 2009.
- [2] *Русский ассоциативный словарь.* – М., 2002. – Т. 1, 2.
- [3] *Wettler M.* Sprache, Gedächtnis, Verstehen. – Berlin – New York, 1980.